

«Большая часть различных произведений искусств привозилась в последнее время из Советского Союза в Лондон оппозиционными дельцами, быстро уловившими новые веяния моды в среде западных потребителей. Боюсь, однако, что эта мода окажется быстротечной, в силу того, как быстро изменился имидж президента Горбачева. Эта связь объясняет снисходи-

манного фонаря, вспарывающего тьму над лесной дорогой, путь к дому...

«Беру камень — и отсекаю резцом все лишнее».

Роден

«Беру бумагу — и вырезаю ножницами все нужное».

Сулягин

Прежде чем взять комок

«2 ноября.

Лиза:

— Мам, угадай, в какой руке?

— В правой.

— А какая правая?

19.

«Лизинг»: ножницы, бумага — и вырезает, кромсает, крошит в бумажные дребезги — газеты, журналы, черновики...»

Лизина мама. Дневник. 1992

Ниже — на странице дневни-

По наблюдению пристальных к Сулягину западных знатоков русской культуры, самое удивительное и странное в этой его обширной серии то, что, хотя лики героев взяты со знаменитых фотографических портретов, в них нет ничего вторичного. «В каждом случае он создает нечто оригинальное, полное индивидуальной экспрессии. Он подчеркивает, что не использует затертые, пошлые, мертвые знаки и знания, но стремится дать жизнь новым...»

Взмах ножниц — точен и молниеносен; ни эскиза, ни хотя бы общего карандашного абриса Сулягин не делает. Зато потом — начинается божественный пасьянс собиранья осколков, «бумажных дребезг» в нечто, обретающее вдруг объем, наливающееся теплом и светом. Чаще всего это какое-то неуловимое, «чуть-чутьное» движение в рамках счастливо найденного Сулягиным белого квадрата, величины неизменной и всякий раз неузнаваемой. Вот так же неуловимо, «чуть-чутьно» и движение судьбы. Это хорошо видно в портретах Ахматовой и Цветаевой. В первом случае, взяв за отправную точку восхитительный профиль Наппельбаума, всего лишь переведя его в негатив, Сулягин создает «гордый античный бюст, мраморную скульптуру Данте в женском облике». Облик юной Цветаевой взят с фотографии 1911 года (где она снята со своим женихом Сергеем Эфроном) и довершен стилизованным крестом, украшающим глухое, под горло, платье. Это — знак гибельного пути поэта; и витой шнур, строгая отделка платья, помечает линию пути, «кривоизогнутую дорожку», на обочине которой возведен крест. И этот же шнур — предзнаменование петли, которая затянется спустя тридцать лет...

«Сулягин родился в семье железнодорожного машиниста и учительницы начальных классов, пристрастившей его к русской литературе. Он говорит, что у него позднее развитие; и его профессиональный интерес к искусству — тоже поздний, хотя у него довольно рано возникло намерение стать писателем, кинорежиссером и художником в одном лице. О своей учебе в художественной школе он говорит с осторожностью. Матисса он впервые увидел в возрасте 25 лет. Он зарабатывал на жизнь настенными росписями, и его

КАМЕНЬ-НОЖНИЦЫ-БУМАГА

Сулягин. Коллаж

тельность, царящую в данном углу нашего художественного рынка.

Вписывается ли имя Владимира Сулягина в общее направление поисков в России новых талантов? Разумеется, но работы его говорят сами за себя. Они настолько далеки от капризов моды, они так скромны — это отчасти объясняется конкретными обстоятельствами: принадлежность к Союзу Советских Художников гарантирует мастерскую, приобретение материалов, преподавание и успех на официальных закупочных комиссиях... Сулягин — жертва этой системы... И в качестве предмета изображения он избрал подвергшуюся гонениям и лишениям группу русских писателей и поэтов, чьи произведения в XX веке могли выжить лишь в устной и «самиздатовской» традиции... Эти портреты преимущественно отталкиваются от известных фотографий, но являются чистыми интерпретациями, основанными на понимании Сулягиным судеб его героев. Так например, в облике Цветаевой есть что-то от иконы — и ведь действительно, многие из фотографий, использованных Сулягиным, стали современными русскими иконами...»

Таня Хэррод. «Индепендент он Сандэй», 7.IV.1991

Движенье ножниц. Движенье разламываемой книги. Движенье кулака, расцветающего в ладонь. Движенье луча кар-

красной глины и, смяв его в пальцах, оставить на нем отпечаток десницы, Творец отделил свет от тьмы.

«В начале бе Слово...» — и лишь потом «Слово плоть бысть».

Потом — пластилин, а в начале каждой жизни — варварски раздираемый книжный лист, свое «единое слово», вырываемое из мертвой, немой плоскости бумажного листа.

«Пошли клочки по закоулочкам...»

ка — приклеена детская растопыренная пятерня, обведенная, а затем выстриженная ножницами из куска серой бархатной бумаги...

«9 декабря.

Лиза:

— Это надо не только нам, но и ближним нашим людям. А-а-а, э-э-э!

Танцуют все! Танцуют все!»

Лизина мама. Дневник. 1992

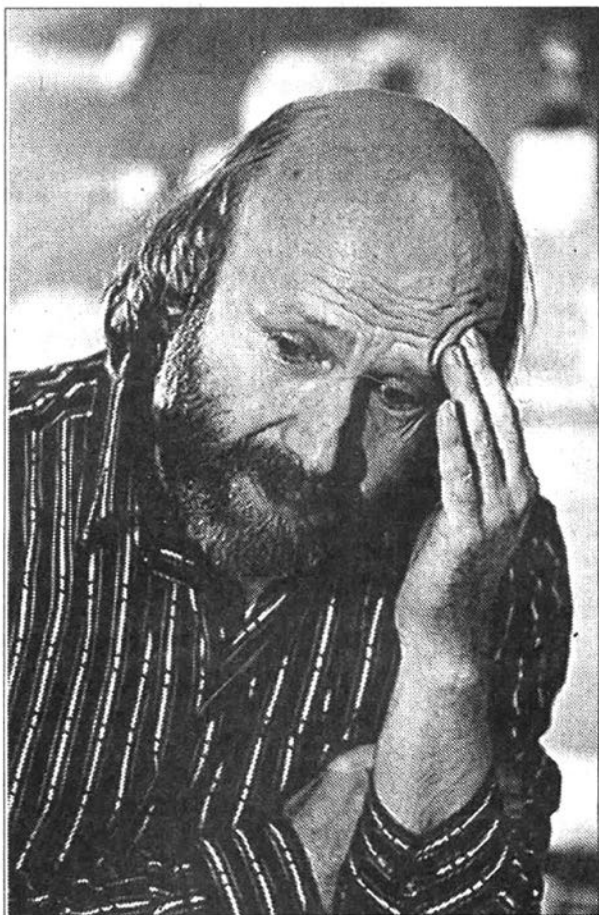

Фото В. Крюкова

профессиональным рубиконном было создание некоей идеологической битвы на пространстве полтысячи квадратных метров в Московском Доме Юных Техников. Он говорит, что фрески в России создаются из плохих материалов, дабы скрыть плохую архитектуру. «Искусство для народа» не прибавило ему свободы самовыражения. Маяковский в дни революции призывал художников сделать улицы кистями, а площади — палитрами; Сулягину на это нечего сказать. Напротив, коллажи — всецело его, и по стилю и по идее. Они также исполнены из чрезвычайно простых, недорогих материалов, в героической, почти детской простоте...»

Мargarет Дребл. «Уикенд Гардиан». 13—14.IV.1991

«Камень-ножницы-бумага! Су!Е!Фа!»

Детский городской фольклор
Начало 90-х гг. XX века

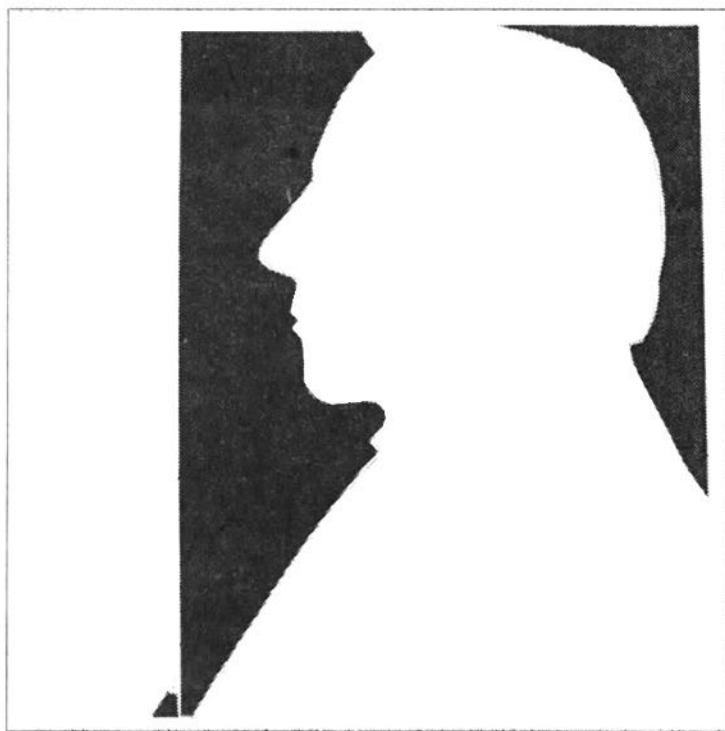
Камень: что есть сил стиснутый кулак. Ножницы (Лиза произносит «ножница»); улитка выставляет рожки — жест сэра Уинстона Черчилля («Victory» — «Победа»). Бумага: гладь длани. На счет «Су!Е!Фа!» — «Раз!Два!Три!» на соловьином наречьи — на обеих руках выбрасываются пальцы. Чья возьмет?..

На вопрос «Как учить детей образительным искусствам?» Сулягин отвечает:

— Надо только вовремя подсовывать им под руку новый материал. И ничему не учить, ничего не объяснять, не подсказывать. Просто дать им в первый же момент словить от материала кайф. И все. Этого достаточно. Дальше они сами начнут с этим возиться, играть, вертеть туда-сюда...

«Сулягин использовал новое всюду, где он мог, в своих настенных росписях; но желание «работать в более сложной манере» должно было удовлетворяться частным порядком. Он экспериментировал с коллажами, ширмами и масляной живописью. Он сделал по меньшей мере 60 «книг» — пространственных композиций с элементами коллажа, вырезки и каллиграфии, которые он считает своими лучшими творениями. Им создано столько картин и графики, что за четыре долгих визита я не смог увидеть их все.

В последние годы Владимир

Велимир Хлебников

Сулягин исполнил серию из пятидесяти коллажных портретов тех, кого он сам считает своими героями и героинями. Среди них нет, кажется, только Ленина — хотя то, как Сулягин вербально описывает его внешность («Я вдруг понял, что у него нос человека, который никогда не сомневается; его лицо — как топор!»), вполне передает сконцентрированный, символический метод его работы над портретом...»

Джон Сперлинг. «Зуропиан»
5—6.IV.1991

«Вошедши в свою комнату, майор, усталый и печальный, бросился в кресла, и наконец, после нескольких вздохов сказал:

«Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастье? Будь я без руки или без ноги — все бы это лучше; будь я без ушей — скверно, однако ж все сноснее; но без носа человек — черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин; просто, возьми да и вышвырни за окошко!..»

Николай Гоголь. Нос

«Любимый писатель, может быть, даже человек — Гоголь. Любимая его книга — «Нос». «Автопортрет с носом Гоголя» — мой любимый и, наверное, самый точный автопортрет».

Сулягин

пающее из такого же стандартного, казенного квадрата...

«Сулягин сказал мне, что он в течение 20 лет мечтал делать портреты, которые не ограничивались бы физическим сходством. Его серия портретов-коллажей была впервые показана в лондонском Festival Hall под общим названием «Писатели при Сталине»... Он обнаружил, что чем проще материалы — белый картон, оберточная серая или коричневая бумага, редкие вкрапления обрезков цветной: черной, красной, пурпурной, серебряной, — тем больше изобразительные возможности. Его техника, вероятно, ближе всего к технике любимых им японцев, с их умением свести формальные средства до минимума, почти до грани исчезновения, чтобы схватить не внешнюю оболочку, но дух того, что они изображают.

«Я решил попробовать сделать нечто из ничего, — объясняет Сулягин. — Нечто, что может заставить плакать»...»

Хилари Сперлинг. «Телеграф Мэгэзин». Октябрь 1992

Из «Личного дела» В.Сулягина:

Родился в Нижнем Тагиле в 1942 году. В 1972-м — окончил МВХПУ (б. Строгановское училище). Участник ряда коллективных выставок. В 1991—1993 годах в Великобритании прошло восемь его персональных экспозиций. В октябре 1992 года британское издательство «Chattos Windus» выпустило альбом репродукций с серии портретов-коллажей В.Сулягина «Paper Spirits».

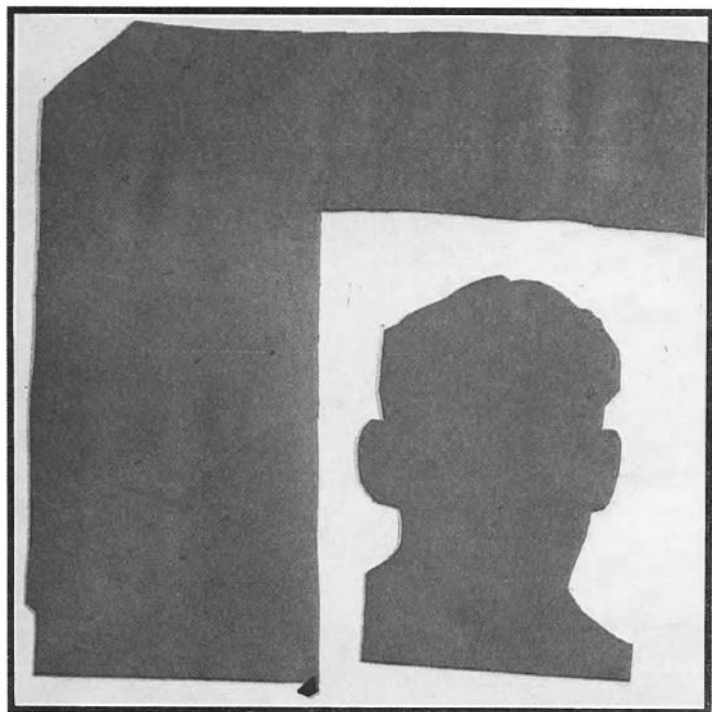
Эта книга признана лучшим художественным изданием Англии за год.

Коллаж склеил
Михаил ПОЗДНЯЕВ

Бумага. Не лес, не уголь, не железо, не порох, не кровь, не топи блат, не надгробные плиты, восстановленные торчком, дыбом, будто бы с исподу воздымаемые покойниками... Бумага! Вот материальный символ, образ, знак Отечества нашего. Памятник России? Скомканный клочок бумаги. А что там, внутри? Справка ли о смерти, свидетельство о рождении, контурная карта, квитанция банно-прачечного комбината, наряд на кирпич, «ревизская сказка», счастливый номер лотереи, стихи ль про «кремлевского горца»?..

Хилари Сперлинг силуэтный портрет Мандельштама с оттопыренными ушами мнитесь прощальным взглядом на «эту бедную землю» из оконца тюремной камеры либо «телячьего вагона»; сам Сулягин говорит о своем стремлении показать здесь человека, загнанного в угол, замурованного и испепеленного живою. Но, кажется, более всего это изображение напоминает стандартный лист «личного дела» с выцветшей, выгоревшей фотокарточкой в углу: «без бумажки ты букашка...» — общая наша судьба. И как намек на движение против этой судьбы, готовность переломить, прошибить в ней брешь — серебряное лицо Надежды Яковлевны Мандельштам на «парном портрете» — лицо, упрямо просту-

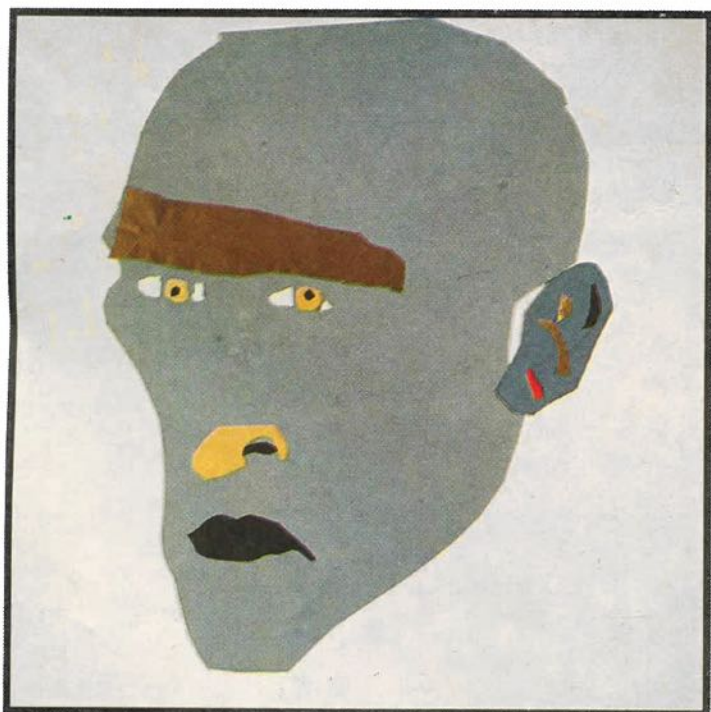
Портретная галерея художника Владимира Сулягина

Осип Мандельштам

Александр Блок

Даниил Хармс

Марина Цветаева